

Михайлов Владимир Николаевич

МОЛОДОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Родился 23 июня 1925 года в Москве. Русский, православный, был членом ВЛКСМ, КПСС. Возглавлял на общественных началах организацию Осоавиахим.

До войны окончил 8 классов в Калининградской средней школы Московской области. 9-й класс окончил там же в 1942 году. В июне 1942 года поступил в 10-й класс при Московском инженерном институте им. Орджоникидзе, где в августе сдал экзамен за 10 классов и в сентябре поступил на 1-й курс этого же института на автомобильный факультет. В институте проучился до 28 декабря 1942 года, до ухода добровольцем в ряды Красной Армии.

22 июня 1941 года в 12 часов, во время выступления министра иностранных дел Молотова, узнал о начале войны, будучи учеником школы.

Стал участвовать в боевых действиях 4 июля 1941 года после выступления Сталина, вместе со школьниками 9—10 классов вышел на рытье окопов под Вязьмой. Проработал на рытье окопов и противотанковых рвов 2 месяца до 30.08.1941 года. 28 декабря 1942 года Мытищинский военкомат направил меня в офи-

церское пехотное военное училище, которое находилось в городе Казани.

На фронт в составе военного училища прибыли в июне 1943 года. Воевал на Курской дуге с июля 1943 года в качестве командира стрелкового взвода в 75-м гвардейском стрелковом полку 26-м Гвардейской стрелковой дивизии. С боями прошли весь этап Курской битвы. Затем 11-я гвардейская армия была переброшена под Витебск на 1-й Прибалтийский фронт. С боями освобождали города Витебск, Полоцк, Клайпеда, Рига и другие. Участвовал в боях против Курляндской группировки противника.

Ранения:

За время нахождения на Курской дуге был дважды ранен. Поле боя не покинул. В боях под городом Невель был ранен третий раз и отправлен в госпиталь. После лечения в госпитале продолжал службу в рядах Красной Армии.

Награжден:

орденом Красной Звезды № 3309206;
орденом Красной Звезды № 466795, июль 1945;
орденом Отечественной войны I степени № 1508825;
орденом «Знак Почета» № 614612 от 27.12.1973 (вручил генерал В.И. Варенников);
орденом «Дружба» № 6402 от 29.09.2001 (вручил губернатор МО Б.В. Громов).

Медали:

«За боевые заслуги»;
«За доблестный труд»;
«За оборону Москвы»;
«Ветеран ВС СССР»;
«Ветеран труда»;
«За службу в ВС СССР» 1, 2, 3-й степеней
и другие, всего более 30 штук.

В войне погибли родственники:

В войне погибли три брата: Михайлов Сергей Николаевич, Михайлов Борис Николаевич и Михайлов Михаил Николаевич. Все погибли в боях под Москвой.

Послевоенные пути-дороги

Окончил Военно-политическую академию им Ленина, служил в Западной группе войск в Германии и на Дальнем Севере. Участвовал в освоении целинных и залежных земель в Казахстане.

Так начиналась война

...Шел 14-й день войны. Народ — под впечатлением выступления И.В. Сталина, смысл которого был ясен каждому: ничего противнику не оставлять, взрывать, уничтожать, громить врага на всех направлениях, подняться на борьбу — от мала до велика.

Надо ли говорить, какие чувства обуревали нас, только что закончивших 8 классов калининградской школы №1. Попробовал бы кто-нибудь назвать нас мальчишками! Мы были — бойцы-планеристы Тайнинского аэроклуба, носили это звание с гордостью и по-настоящему готовились защищать Родину. Каждый свободный от уроков день проводили на аэродроме — летали.

Но как раз в тот день на летном поле разбился самолет, шедший с фронта, и начальник аэроклуба объявил, что три дня полетов не будет.

Три свободных дня! Я жил тогда на даче в Болшеве, на Большой Комитетской. Отец с сестрами на работе, три старших брата уже мобилизованы. А у нас все тихо, мирно. Теплый ветерок колышет легкие нарядные занавески на террасе. Мама хлопчет — готовит завтрак, проносит пыхтящий самовар. В саду пахнет травой и летом. Война никак не вписывается в это ясное солнечное утро.

— Николай Петрович, зайдите чайку попить, не проходите мимо! — кричу я, завидев нашего классного руководителя Н.П. Тузова.

— Володя, Михайлов, это ты? — Скорым шагом учитель входит во двор. — А я тебя-то и ищу. Дорогой мой, чай пить некогда: наш класс мобилизуют на трудовой фронт, собирайся. Ложку, миску, кружку... ну что надо, знаешь — и срочно в школу.

— Не могу, Николай Петрович...

«Я — боец-планерист, меня могут посчитать дезертиром», — проносится в мыслях, пока объясняю ситуацию.

— Да всего на три дня, — успокаивает Тузов встревоженную маму.

Быстро натягиваю синие сатиновые шаровары («варенку» наших времен), белую рубашку, вещмешок на плечо... прихватил еще фотокарточки семьи.

— Готов! — докладываю, стараясь не смотреть на мамино лицо.

Словно в замедленном фильме из ее дрожащих рук падает и разбивается тарелка. Четвертого сына отдает Родине. Что-то будет?!

На пороге оглядываюсь. Дом. Мама. На столе остывает разлитый по чашкам нетронутый чай...

Своих мы догнали по дороге к станции Подлипки. Приехали в Москву и пешком направились в обком комсомола. Там уже собралось около двух с половиной тысяч таких же учеников из всех районов области.

Пятнадцатиминутный митинг о необходимости защищать Отечество, и мы двинулись к Рижскому вокзалу, где нас уже ждал товарный эшелон. Недолгая погрузка по 80 человек в вагон. Колеса застучали, отмеривая путь на запад. Встречные поезда везут эвакуированных, раненых, технику с предприятий.

Высадили нас за Вязьмой, на станции Издешково, в трех — пяти километрах от Днепра. Под проливным дождем вручили каждому по большой лопате — и бегом к реке. Время не ждет. Враг наступает.

Задачу поставили на месте: срезать левый берег, сделать его отвесным, непреступным для плавсредств противника. Копать надо было снизу вверх. По высоте берега выходило пять «ступенек» — нижний кидал скрытую землю верхнему, и так до вершины откоса. Участок поделили так: на каждые пять человек — 25 метров берега высотой 5—6 метров.

Работали мы по 18 часов в сутки. Спали, если повезет, в сараях, нет — просто в кустах. Первые дни жили впроголодь, выдавали буханку хлеба на 40 человек. Тот хлеб, что привез наш эшелон, за неимением брезента выгрузили прямо на землю, и под дождем он превратился в кашу.

А фронт подступал. Канонада приближалась все ближе и ближе. Неподалеку от нас, в Ярцеве, был сброшен немецкий десант. Гул войны стоял вокруг. Стреляли, казалось, везде. Фаши-

стские самолеты нагло бомбили мирных жителей, работавших на окопах, охотились за отдельными бойцами, идущими на восток на сборный военный пункт. Мы, в своих тогда еще белых рубашках, были хорошей мишенью для немецких летчиков. Однажды нам досталось особенно крепко...

Некоторые ребята не выдержали, сбежали в Подлипки! Добравшись до дома, рассказали о всех наших трудностях, о том, что многие погибли под бомбами. Один парень взялся назвать имена убитых. Так весть о моей гибели дошла до мамы. Парня того потом судили за дезертирство и распускание слухов. Но что пережили наши матери... Проверить ничего было нельзя, да и работали мы вместо трех дней два месяца.

Выполнив задание на Днепре, мы отходили к Вязьме, откопав на берегу противотанковый ров. Потом стали рыть окопы и траншеи, которые тут же заполняли солдаты. В последнюю, уже под самой Вязьмой, сажать было некого, и от нас взяли ребят, которые должны были учиться в 10-х классах. Выдали им обмундирование, по винтовке на несколько человек — и посадили в траншею встречать врага.

30 сентября за нами приехал секретарь Мытищинского горкома комсомола и перед строем стал сверять списки погибших. Вдруг прозвучала моя фамилия .

— Я! — шагнул я из строя.

— Живой?! Садись в автобус!

Таких «живых-погибших» нас набралось 17 человек.

Оставшиеся более двух тысяч ребят отправились в Москву пешком. Скажу сразу, идти им пришлось долго: пробирались лесами, попали в окружение. Но все же вышли. Правда, многих недосчитались...

А мы ранним утром в том самом крошечном автобусе выехали в столицу. Минское шоссе в этот час было совсем пустым. Военные, видимо, перебазировались ночами.

И вот она, Москва. На Арбате водитель объявил, что автобус испортился, дальше не поедет. Добирайтесь на метро и электричкой. Голодные, измученные, мы и этому были рады.

Да, чуть не забыл. За работу на трудовом фронте нам заплатили деньги. Мне выдали 127 рублей (старыми, конечно). Это была моя первая зарплата.

Вышли из автобуса и увидели «Булочную»! (теперь там ресторан «Прага»). Я сагитировал ребят: пойдете все туда, купим белых булочек! Поедим. Есть хотелось страшно. Зашли в магазин — булки, батоны, черный хлеб, тут же сахар, конфеты! Я сориентировался первым: выбейте, пожалуйста, две городских и коробку конфет за четыре пятьдесят.

Кассирша, не поднимая головы (она что-то усердно пересчитывала), грубо так ответила: «Карточки давайте». «Какие-то карточки? — думаю — А-а-а! — вдруг сообразил. — Видно, за шпиона меня приняла». Сдернул с плеча свой вещмешок, достаю маленькие, 3 x 4, фотоснимки моих родных. Чьи же, думаю, ей нужны. Семья-то у нас большая, только детей шестеро. Наверное, лучше родителей. Выбрал нужные, говорю: вот. Это мама, это папа, а это я. Кассирша подняла голову и опять грубо так:

— Вы что, издеваетесь надо мной?!

— Да нет,— говорю,— честно: это — мама, это — папа...

Тут уж она взглянула на нас попристальней. Семнадцать мальчишек, черные, худые, обтрепанные (хотя мы перед возвращением, как могли дыры залатали). На ногах — чуни, веревочные лапти...

— Господи, — воскликнула, — откуда же вы такие?

И надо же, в это самое время репродуктор передает: ...под Вязьмой наши войска ведут ожесточенные бои с превосходящими силами противника...

— Оттуда, — гордо эдак отвечаю я. — Из под самой Вязьмы.

И эта непреступная кассирша вдруг как заплачет!

— Милые мои, — сквозь слезы говорит,— не такие теперь карточки нужны, а вот такие... и ничего я вам продать-то не могу... — А сама все плачет.

Не знаю почему, но не 22 июня, не когда братьев провожали, не под Вязьмой, а именно здесь я понял, что такое война. Дошло, догнало, как говорится.

Спустились мы в метро. Смотрю, продают такие же конфеты, только в 4 раза дороже. Ах ты, думаю, все равно маме с первой полочки куплю. И купил.

...Маму я увидел еще издали. Поседела, а все хлопочет во дворе. Закричал: мама, мамочка!.. Она бросилась ко мне на шею, запричитала: Володя, родной, я знала, что ты живой! Я не верила в твою смерть!

Ну, я держусь изо всех сил.

— Мамочка, я получил деньги, — говорю, — вот тебе подарок, конфет коробка.

— А у меня, Володюшка, для тебя тоже подарок, — утирая слезы, сказала мама и взяла что-то в пригоршню с моего письменного стола.

— Я знала, что тебе это будет интересно...

— Что это, мам?

Она разжала руку. На маминой ладони поблескивали свежие осколки зенитных снарядов — «урожай» из нашего сада. Вот так.

...С 1-го октября начались занятия в школе. Но мы, мальчишки, проучившись дней 10, снова уехали на трудовой фронт. Последние окопы мы рыли перед Подлипками: а «ежи» ставили на Ярославском шоссе, на повороте в Болшево. Война теперь была реальностью.

Воспоминания о войне

В лютую стужу 28 декабря 1942 года семнадцатилетнему пареньку Михайлову В.Н. вручили наконец-то, повестку. Но как ни доказывал новобранец, какие доводы ни приводил, чтобы его послали в авиационную школу, у военного комиссара в тот момент была разрядка только в Казанское пехотно-стрелковое офицерское училище. Все. Разговор окончен. Кру-гом!

... Здесь, в Казани, в снегу по колено, морозы давят под 35 градусов, но военной подготовке это не мешало. Приказ срочно выступить на фронт застал курсантов на стрельбище в период сдачи экзаменов. Марш-бросок «бегом-шагом-бегом», и «единым духом» одолели все 16 километров до училища. Здесь наспех пришили к ветхому просоленному от пота обмундированию фронтные погоны (по ночам белесые гимнастерки колом стояли на полу у солдатских коек) и к 18.00 на вокзал «с места, с песней, шагом марш!». Молодое пополнение шло в насквозь просоленных гимнастерках через живой коридор многотысячной толпы провожавших их людей, многие из которых махали платками, плакали. Но новобранцы, печатая шаг, гордо несли головы. «Белоруссия родная, Украина золотая... Наше счастье молодое мы стальными штыками защитим», — бравурно не-

слось над солдатскими колоннами в две с половиной тысячи человек.

Воинский эшелон без единой остановки «зеленой улицей» домчался до Москвы. Здесь два часа на переобмундирование и... на передовую под Козельск, на рубеж реки Жиздра. Надо было защитить этот старинный городок на Калужской земле, известный еще с 1146 года. Через сотню лет он уже успел прославиться тем, что его жители в 1238 году оказали героическое сопротивление ордам хана Батгя. Теперь на маленький провинциальный городишко наступала оснащенная современным автоматическим стрелковым оружием, закованная в крупновскую броню танков орда фашистов.

Наспех обученное пополнение влилось в 26-ю Гвардейскую дивизию и сразу же почувствовало себя как в аду под массивной огневой обработкой немецкой артиллерии. Здесь не то чтобы хорошо осмотреться вокруг — нельзя было поднять головы, а неумолимые приказы следовали один за другим: то взять крохотную деревеньку в 5—6 дворов, то овладеть маленькой высотой на ровном, как бильярдный стол, поле. По 10—15 раз на день ходили в лобовые атаки, захлебываясь кровью. Немецкие пулеметчики словно косою укладывали на землю шеренги наступающих. К исходу первого дня боевого крещения бескрайнее поле на центральном направлении едва ли не один к одному было устлано трупами безусых мальчишек в военной форме. Подавляющему большинству из них не было и 20 лет...

Первая боевая задача

Вечерело, когда к группе бойцов подошел командир роты: «Необходимо установить наличие противника в деревне и, по обстановке, выявить огневые средства. Пойдете вчетвером: вы, вы и вы, — указал на солдат, — старшим будет Михайлов».

Ночь, моросит мелкий обложной дождь. Непроглядная тьма. Приказано держаться левее трупов, сплошной вереницей лежащих в открытом поле. Двинулись на ощупь. Прошли метров триста. Дальнейшее движение предстояло по глубокому кювету. Я на минуту задумался, и вдруг молнией пронзила мысль: а если он заминирован?

— Следовать за мной, ступать по откосам кювета, на дно не становиться, — приглушенно произнес я и первым двинулся вперед.

Прошли метров двести, когда услышали хрипловатый окрик:

— Пароль?

— Курок, — ответили мы. — Отзыв?

— Курск. Проходите. Как это угораздило вас сюда забрести? Здесь же заминировано. Вчера трое моих ребят подорвались в этом кювете, — встретил нас угрюмый заросший старший сержант с противотанковым ружьем.

Перебросились несколькими фразами. Старший сержант указал направление, и разведчики продолжали путь. Вскоре мы увидели два огонька. Видимо, курили и переговаривались немцы.

— По команде, — произнес я шепотом, — стреляем по огонькам и сразу же укроемся, пока не стихнет ответный огонь.

Прогрели автоматные очереди, в ответ тьму разорвали вспышки выстрелов, загрохотало впереди на большом пространстве, в воздухе повисли осветительные ракеты. Возвратились перед рассветом тем же путем. Первая боевая задача была выполнена успешно.

На волоске от смерти

Как-то я оказался под ураганным пулеметным огнем. Пули ударили в бруствер. В одно мгновение выбросил из-под себя свернутую в жгут плащ-палатку, чтобы плотнее прижаться к спасительной земле. После боя в ней оказалось одиннадцать пробоин, полученных за считанные секунды.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Тупицын Александр Валерьевич**, инженер ЦНИИ машиностроения, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Королев.